

Хоть Фэн Дунъюэ и помог Юнь Мэнцзэ — заодно избавив санаторий и Е Чжэня от такого неприятного типа, как Шэнь Сяньчжэ, — отказаться от ухаживаний очередного «игрока» всё равно стоило.

Юнь Мэнцзэ поставил бокал на стол:

— А как же тот человек в вашем сердце, господин Фэн? Тот самый, на которого я так похож?

Фэн Дунъюэ поджал губы, не зная, как объяснить происходящее. Никакого «недостижимого идеала» у него никогда не было: и душой, и телом он от начала и до конца принадлежал одному-единственному человеку — Юнь Мэнцзэ. Все прочие красавцы и красавицы этого мира не вызвали у него ни малейшего интереса.

Он любил Юнь Мэнцзэ, страстно желал завладеть им без остатка, но ускользающая, сдержанная манера доктора неизменно сеяла в нём тревогу.

Всё, что он наплёл медсестре, было лишь нелепой выдумкой. Внутри него будто уживались двое: один любил распускать язык в обществе и плести небылицы, а другой — одиноко оберегал хрупкую розу в глубине души.

И чем пышнее расцветал этот бутон, тем сильнее Фэн Дунъюэ захлёстывала всепоглощающая пустота, которую приходилось маскировать наигранным равнодушием.

— Какая ещё любовь, дались вам эти слухи, — попытался отшутиться Фэн Дунъюэ, чтобы замять собственные байки. — Милый, куда бы ты хотел отправиться в медовый месяц? На романтическое побережье, в старинный европейский городок или на шумный тропический карнавал?

Юнь Мэнцзэ качнул головой, и взгляд его с грустью угас:

— Не хотите говорить — не надо. Я не пытаюсь выведать имя этого человека. Лишь хочу, чтобы вы честно заглянули в собственное сердце и перестали играть с чужими чувствами.

Виртуозность этой игры достойна актеров высшей лиги.

Видя, с каким разочарованием это произнесено, Фэн Дунъюэ едва не сгорел от желания вывернуть душу наизнанку.

— Всё совсем не так! — вырвалось у него горячо. — Когда я впервые увидел тебя...

—...то подумали, что я чертовски на него похож?

— Да нет же! В ту секунду в моей голове промелькнула мысль...

— «Надо же, до чего он его напоминает»?

—... Я хотел сказать, — Фэн Дунъюэ запнулся, — когда ты оглянулся на меня в толпе...

—...это было точь-в-точь как во время вашей первой встречи.

Лицо Фэн Дунъюэ налилось краской от досады. Он окончательно потерял самообладание и взревел:

— Да дашь ты мне договорить или нет?!

Все привыкли к его последнему кроткому и добродушному нраву, так что эта внезапная вспышка гнева — с надувшимися на висках венами — заставила присутствующих остолбенеть. Сун Луоин перепугался до смерти. Ему мгновенно показалось, что этот роскошный ужин устроили лишь для того, чтобы подстроить ему ловушку, и он на чистых инстинктах толкнул Гуань Туна прямо на Фэн Дунъюэ, а сам дал дёру.

От неожиданного удара Фэн Дунъюэ качнулся, и вино из его бокала плеснуло на белый халат Юнь Мэнцзэ.

Доктор опустил взгляд на расползающееся тёмное пятно:

— Должно быть, в ваших глазах я совсем ничего не стою, раз вы позволяете себе подобные унижения. Будь на моём месте *он*, вы бы вряд ли поступили так, верно?

Фэн Дунъюэ от отчаяния готов был лезть на стену. Он суетливо бросился вытирать ткань, лепеча на ходу:

— Нет, милый, ты всё не так понял...

Бай Мо, наблюдавший за этой сценой со стороны, лишь сочувственно вздохнул. Эх, что взять с душевнобольного? Каково же старшему сокурснику приходится, играя в эти поддавки.

Юнь Мэнцзэ, глядя на то, как Фэн Дунъюэ мечется между обидой и крайним трепетом, едва сдерживал улыбку. Однако, уловив боковым зрением шатающуюся фигуру в маске Кумамона, он мгновенно лишился всякого желания подтрунивать над «игроком».

Е Чжэнь действительно страдал нервной булимией, но за последние месяцы болезнь удалось взять под контроль: пока не возникало сильного стресса, он больше не переедал.

Но сейчас парень явно потерял над собой власть. Он с пугающей скоростью запихивал еду под массивную маску — так жадно и неистово, словно голодал целую неделю.

Видимо, оттого что пища поступала слишком быстро и в огромных количествах, Е Чжэнь согнулся пополам, судорожно обхватив живот руками. А после того как Фэн Дунъюэ «облил» Юнь Мэнцзэ вином, парень и вовсе застыл, точно гипсовое изваяние.

Заподозрив неладное, Юнь Мэнцзэ шагнул к нему:

— Е Чжэнь? Что с тобой, где болит?

Голова в маске Кумамона задергалась в безумном отрицании. Е Чжэнь стал беспорядочно отступать назад, одновременно ногтями раздирая себе ключицы — за пару мгновений он содрал кожу до глубоких кровавых ссадин.

— Е Чжэнь, перестань причинять себе боль! — строго произнёс Юнь Мэнцзэ. — Опустит руки и сделай глубокий вдох. Помнишь, о чём мы говорили?

Какое выражение лица было у Е Чжэня, никто не видел — громоздкий Кумамон продолжал глуповато и безмятежно улыбаться.

Бай Мо тоже понял, что дело плохо. Поставив тарелку, он поспешил на помощь Юнь Мэнцзэ, намереваясь перехватить руки пациента. Однако обычно тихий, безотказный парень вдруг с неожиданной силой оттолкнул его и, спотыкаясь, рванул к выходу.

Но у самых дверей силы оставили его. Раздался тяжкий спазм, и его вырвало — прямо внутри закрытой маски.

Гуань Тун поморщился:

— Ой, ну всё, весь аппетит испортили... хнык-хнык...

Е Чжэнь обернулся, глухо пробормотав:

— Простите... я...

Он пошатнулся и рухнул на пол.

Бай Мо немедленно подозвал дежурных медсестёр. Юнь Мэнцзэ рывком сдёргнул с Е Чжэня тяжёлую маску и очистил его лицо от рвотных масс, не давая парню захлебнуться. Вокруг царил полный хаос, остальные присутствующие предпочли держаться подальше. Фэн Дунъюэ так и не получил шанса высказать всё, что собирался. Он лишь молча смотрел на то, как Юнь Мэнцзэ хлопчет над больным, и бессознательно касался нагрудного кармана.

"Ты нравишься мне... Куда сильнее, чем кажется со стороны. Почему же такие простые, искренние слова на губах всегда превращаются в нелепую ложь и скользкое кокетство?"

Е Чжэня перевели в палату и поставили капельницу из-за острого невротического спазма

желудка. Медсёстры и санитары обмыли его и переодели. Эмоциональный приступ угас, и теперь парень тихо лежал на кровати; измождённое тело казалось совсем невесомым, точно вырезанным из бумаги.

Юнь Мэнцзэ присел на стул у изголовья:

— Как ты себя чувствуешь?

Поскольку громоздкую маску надевать запретили, Е Чжэню пришлось ограничиться солнцезащитными очками и медицинской маской. Влажные после мытья волосы липли ко лбу, придавая ему болезненный вид:

— Извините... Я снова причинил вам столько хлопот.

— Я никогда не считал ни тебя, ни кого-либо ещё здесь обузой, — мягко ответил Юнь Мэнцзэ.

— Не нужно больше извиняться.

Е Чжэнь долго молчал, а затем тихо, с опаской произнёс:

— Доктор Юнь, я всё слышал... Он ведь запал на вашу внешность... Ну и на характер, конечно, но больше всё-таки на внешность. Он хочет содержать вас, давать деньги и подчинить своей воле.

Юнь Мэнцзэ сдержанно улыбнулся:

— У него бредовое расстройство, он несёт несусветную чушь. Не принимай всерьёз.

Е Чжэнь коснулся ледяными пальцами руки доктора и тут же отдернул ладонь, просипев:

— Доктор Юнь, не верьте его сладким речам.

Все мужики — козлы. Единственное искреннее слово, которое от них дождёшься, это не «люблю», а «я сейчас кончу».

Юнь Мэнцзэ отвёл мокрую прядь с его лба:

— Я понимаю, чего ты боишься. Не тревожься: Шэнь Сяньчжэ больше никогда здесь не появится.

Е Чжэнь опешил:

— В каком смысле?.. Он... он правда отступился?

— Он влип в неприятности, ему теперь не до тебя. О подробностях поговорим, когда наберёшься сил, а сейчас отдыхай. — Юнь Мэнцзэ слегка опустил изголовье кровати. — Если

не сможешь заснуть, попроси медсестру сделать седативный укол.

Е Чжэнь долго растерянно смотрел в пустоту, а потом прошептал:

— Доктор Юнь... вы очень хороший человек.

Получив очередную «карточку хорошего человека», Юнь Мэнцзэ поправил одеяло, сжав его плечо на прощание, и вышел из палаты, облегчённо переведя дух.

Едва покинув Зону А, он заметил Фэн Дунъюэ, сидевшего на скамье во дворе.

За хлопотами с Е Чжэнем незаметно стемнело. Фэн Дунъюэ сидел абсолютно неподвижно, излучая сдержанное спокойствие, и со стороны напоминал сошедшую с холста картину.

У Юнь Мэнцзэ не было ни малейшего желания продолжать эти игры, и он вознамерился пройти мимо. Однако Фэн Дунъюэ, хотя и смотрел, казалось, в экран своего терминала, безошибочно уловил его присутствие:

— Доктор Юнь, вы заняты? Я бы хотел поговорить.

Юнь Мэнцзэ спрятал руки в карманы халата и подошёл ближе, сохраняя прохладный тон:

— Если вы снова о прежнем, советую не тратить сил. Скоро вечерний обход, возвращайтесь в палату. Или позвать медсестру, чтобы вас проводили?

Фэн Дунъюэ ничего не ответил. Он резко поднялся и с выверенной точностью слегка подтолкнул Юнь Мэнцзэ к стоящему рядом дереву, заблокировав путь рукой. Вышло классическое, заставляющее сердце биться чаще прижатие к дереву. Его утончённая манера держаться и холодный взгляд сливались в давящую, противоречивую ауру. Это молчание несло в себе ощутимую угрозу.

Юнь Мэнцзэ инстинктивно подтянулся, но тут же ощутил досаду на собственную реакцию. С чего бы ему отступать перед очередным «игроком»? Он ведь давно привык к подобным выходкам.

Пока он гадал, на какой шаг Фэн Дунъюэ решится дальше, тот вдруг протянул ему какой-то предмет.

Юнь Мэнцзэ принял его и увидел довольно изысканный оригами-ирис: веерную основу, за которой прятались два маленьких человечка, держащихся за руки.

Он замер:

— Вы... сам господин Фэн?

Скупой на слова, с каменным лицом и взглядом острым, как бритва, да ещё и с этим привычным мастерством складывания бумаги — сомнений быть не могло, перед ним стояла настоящая, исходная личность. Но если он вернулся, к чему эти двусмысленные и неловкие позы?

— Доктор Юнь, у вас слишком много уязвимых мест, — произнёс Фэн Дунъюэ, опустив взгляд.
— Вот как сейчас: вами слишком легко воспользоваться.

Дистанция между ними и впрямь нарушала все приличия. Юнь Мэнцзэ понял, что тот намекает на уловку предыдущей личности, успевшей чмокнуть его в щёку. Решив не нагнетать, доктор расслабился:

— Даже если проявлять осторожность, против тех, у кого на уме дурные намерения, всего не предусмотреть.

Фэн Дунъюэ слегка прищурился:

— Мои альтер-эго ведут себя странно. Будто они давно с вами знакомы. Неужели в моё отсутствие вы встречались... и между вами что-то было?

На губах Юнь Мэнцзэ мелькнула едва заметная улыбка:

— Мне это тоже кажется странным, но могу заверить: ничего подобного не происходило. Полагаю, ваши прочие личности страдают определённой формой бредового расстройства и либо принимают меня за кого-то другого, либо путают с вымышленным образом.

— Вот как. Что ж, выходит, я и впрямь тяжело болен. — Фэн Дунъюэ медленно опустил руку, упёртую в ствол дерева, и вполне вежливо попрощался: — Благодарю за заботу, доктор Юнь. Я вернусь в палату.

Сделав несколько шагов в сторону Зоны А, он неожиданно остановился и вполоборота указал на оригами-ирис в руках врача:

— Кстати. Предыдущая личность постоянно носила с собой одну фотографию. Полагаю, это изображение той самой «недосягаемой любви».

Юнь Мэнцзэ посмотрел на оригами-ирис и осторожно извлёк из складки на обороте карточку «Полароид».

С фотографии на него смотрел не кто иной, как он сам.